

РОЛЬ ФРГ В ФОРМИРОВАНИИ КОНЦЕПЦИИ МБФР

УДК 323(430)

ББК 66.3(4г)

С84

Рецензент: доцент Левкович А. И.,
кандидат философских наук;

Ответственный редактор: доцент Корнев П. И.,
кандидат исторических наук.

СТРЕЛЕЦ М. В.

С84 РОЛЬ ФРГ В ФОРМИРОВАНИИ КОНЦЕПЦИИ МБФР- Брест:
Издательство С. Лаврова, 1997. — 24 с.

ISBN 984-6395-14-8

Автор выносимого на суд читателей научного издания с новых позиций анализирует предысторию Венских переговоров о взаимном сокращении вооружённых сил и вооружений в Центральной Европе, роль ФРГ в их подготовке. Издание адресуется историкам и политологам.

ББК 66.3(4г)

ISBN 984-6395-14-8

©Стрелец М. В., 1997

РОЛЬ ФРГ В ФОРМИРОВАНИИ КОНЦЕПЦИИ МБФР

Предмет нашего исследования - предыстория Венских переговоров о взаимном сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе (1973-1989 годы), роль Федеративной Республики Германия в их подготовке. У автора настоящей научной брошюры сразу же найдутся оппоненты, которые поставят следующий вопрос: "Есть ли смысл в таком предмете исследования?" Они, конечно же, выдвинут следующий аргумент: эти переговоры закончились безрезультатно. Действительно, именно таким был итог переговоров. Но не надо забывать, что в ходе этих переговоров были как позитивные наработки, так и упущения, промахи ошибки. Извлечение уроков из Венских переговоров 1973-1989 годов сыграло важную роль в разработке договора об обычных вооруженных силах в Европе (ОВСЕ). Ныне мы являемся свидетелями того, что реализация договора ОВСЕ позитивно повлияла на формирование новой архитектуры европейской безопасности. Отсюда становится понятным обращение к истокам борьбы за военную разрядку в Старом Свете.

В жестких рамках партийного государства было наложено табу на объективное освещение предыстории венских переговоров о взаимном сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе, мотивов, которыми руководствовались Восток и Запад, начав этот беспрецедентный переговорный марафон.

Не принято было ставить под сомнение следующую точку отсчета - июль 1966 года, принятие "Декларации об укреплении мира и безопасности в Европе", ставшее главным итогом Совещания политического консультативного комитета государств-участников Варшавского Договора, состоявшегося в Бухаресте. Закономерно возникает вопрос: "Почему же, выражаясь терминологией тогдашнего ЦК КПСС, "буржуазные и социал-реформистские" историки не упоминали об этом документе"? Заинтригуем проницательного читателя и не будем торопиться с ответом. Попробуем пойти по линии формальной логики. Сделаем акцент на хронологии политических деклараций.

Еще во времена правления администрации Д.Эйзенхауэра и в Белом Доме, и на Капитолийском холме серьезно задумывались на предмет целесообразности сокращения американского военного присутствия в Старом Свете. Этот вопрос изучался во влиятельных политических кругах США, когда на вершине политической пирамиды находился Д.Кеннеди.

Новое американское руководство, возглавляемое Л.Джонсоном постепенно сделало значительный шаг вперед в этом направлении по сравнению со своими предшественниками. Дело дошло до согласования с

союзниками конкретных объемов вооруженных сил, которые Соединенные Штаты намеревались вывести из Европы.

Мы не будем, конечно, оригинальными, если обратимся к стандартному объяснению этого сдвига:

1) необходимость некоторого ослабления американских военных усилий в Западной Европе в связи с вовлеченностью Вашингтона во вьетнамскую войну;

2) желание побудить союзников увеличить вклад в совокупный оборонительный потенциал альянса;

3) естественная потребность в военной реорганизации в связи с разработкой и принятием новой военной доктрины.

Эти моменты присутствовали в трудах и советских историков, и их оппонентов. Но на этом сходство кончалось.

Историки бывшего СССР были вынуждены замалчивать следующее обстоятельство: главную роль в принятии решения США об одностороннем крупном выводе своих войск из Европы сыграло стремление Вашингтона начать подлинную военную разрядку в Европе.

Хорошо известно влияние группировки Мэнсфилда на разработку анализируемого подхода Соединенных Штатов. Отечественному читателю гораздо меньше известно о том, что сторонники лидера демократов в сенате не ставили во второй половине 60-х годов вопрос о том, чтобы после сокращения американского военного присутствия в Старом Свете совокупная оборонительная мощь Атлантического альянса в Европе осталась неизменной или даже возросла. Более того, четко прослеживалась заинтересованность в уменьшении этой мощи на значительную величину.

Взгляды группировки Мэнсфилда сформировались до обнародования Бухарестской Декларации. Еще до указанного совещания ПКК ОВД стало известно о требованиях ее членов.

Не ждало июля 1966 года лейбористское правительство Г. Вильсона, еще в 1964 году наметившее сокращение Рейнской армии.

Правда, Восток первым принял соответствующую Декларацию на уровне высших руководящих органов своего военно-политического союза. Ряд мер, предлагаемых в этом документе, носил максималистский характер. Они были объективно невыполнимы в тогдашних условиях и больше походили на очередные пропагандистские ходы так называемого соцлагеря (ликвидация военных организаций как НАТО, так и ОВД, вывод всех иностранных войск с чужих территорий в пределы своих национальных границ и т.д.) Москва делала расчет на то, что Запад этот максимализм не устроит и она получит пропагандистские очки. Атлантический альянс действительно не был готов выдержать такой потолок требований.

Общественность Запада прекрасно понимала, что и Кремль на это не пойдет, так что авторитет советской внешней политики благодаря данной части Декларации отнюдь не прибавлялся.

Противоречивым было предложение ПКК ОВД о проведении совещания по вопросам безопасности в Европе. Есть совещание ради совещания. Есть совещание с хорошо подготовленной повесткой дня.

Восток считал целесообразным внесение в данную повестку дня указанных выше максималистских пунктов. Правда, предлагались и меры, более подходящие для обсуждения в переговорном процессе (например, сокращение в согласованных объемах и в согласованные сроки численности вооруженных сил ФРГ и ГДР).

Не принимая громких деклараций наподобие Бухарестской, страны НАТО продолжали усилия в направлении военной разрядки в Европе.

Правительство "большой коалиции" в ФРГ имело серьезное намерение уменьшить военные усилия своего государства. Четко прослеживалось стремление Бонна сократить оборонные расходы Западной Германии.

Брюссель заявил о своей заинтересованности сократить бельгийское военное присутствие на территории ФРГ.

Разумеется, желание Вашингтона вывести в одностороннем порядке крупный контингент американских вооруженных сил со Старого Света внесло немалые осложнения в межсоюзнические отношения. У западноевропейских стран, входивших в альянс, закономерно возникал вопрос: "Не пострадают ли от этого интересы их безопасности"? Вполне логичными представлялись приобретшие в 1967--1968 гг. особенно интенсивный характер дипломатические зондажи.

Ограниченный объем настоящей книги не позволяет подробно на них останавливаться. Шла напряженнейшая работа экспертов, на межправительственном уровне предлагалось большое количество вариантов сокращений. Не прерывалась кропотливая работа на предмет нахождения взаимоприемлемых компромиссов.

К лету 1968 года западноевропейские союзники США достигли значительного дипломатического успеха: они убедились, что смогут удержать Вашингтон от одностороннего сокращения американских войск в Старом Свете.

Еще одним итогом проделанной к тому времени работы явилось достижение большой степени взаимопонимания внутри альянса на предмет тех величин, на которые должна была уменьшиться оборонительная мощь каждого из государств на континенте.

Как видим, к началу сессии Совета НАТО, проходившей 24--25 июня

1968 года в Рейкьявике, общий знаменатель позиций всех членов этой важнейшей организации был очевиден: заинтересованность в военной разрядке в Европе.

А что же Восток? Ни на уровне Политбюро ЦК КПСС, ни на уровне Генштаба Советских Вооруженных Сил, ни на уровне штаба Объединенных Вооруженных Сил государств-участников Варшавского Договора не делалось что-то подобное. В Кремле, например, не могли не знать о решении Атлантического альянса от 12 декабря 1967 года о сокращении количества иностранных военнослужащих в ФРГ на 53 тысячи человек. Москва, словно, забыв о соответствующем пункте Бухарестской Декларации, предусматривавшем вывод всех иностранных войск с чужих территорий, никак не прореагировала на этот факт. Советский тоталитарный режим был далек от того, чтобы объявить об адекватном шаге относительно восточногерманской территории. Не ставило этот вопрос перед своим старшим братом руководство ГДР во главе с В.Ульбрихтом. Последнее опасалось даже символического вывода советских войск.

В.Брандт вспоминал: "Особое значение имела сессия Совета НАТО в столице Исландии в конце июня 1968 года... Сформулированный там "сигнал из Рейкьявика" должен был призвать Москву и Варшавский пакт настроиться на переговоры о пропорциональном сокращении вооруженных сил. В "сигнале", в формулировании которого я принял деятельное участие, речь шла о процессе...

Желательно, считал я, в ближайшее время в порядке предварительного исследования начать переговоры союзников с Советским Союзом и восточноевропейскими государствами. Я дал также понять, что подобные соображения должны распространяться и на другую часть Германии".^{<1}

"Сигналу" была посвящена принятая сессией декларация. В отличие от Бухарестской декларации авторы анализируемого документа были далеки от увлечения максималистскими лозунгами. В рейкьявикской декларации, в частности, подчеркивалось: "...конечная цель прочного мирного порядка в Европе предполагает атмосферу доверия и может быть достигнута только постепенно".^{<2} В тогдашних условиях надо было много потрудиться для того, чтобы эта атмосфера стала реальностью.

В бывшем СССР исследуемый документ рассматривался как доказательство изначального стремления Запада сузить понятие разрядки. Между тем и в докладе В.Брандта, и в декларации сокращение войск и вооружений мыслилось как один из элементов всеобъемлющей системы европейской безопасности. Вполне логичные натовские приоритеты при

рассмотрении проблем, связанных с созданием данной системы, в рамках переговорного процесса между противостоящими союзами не означали резкого умаления значения политической разрядки.

Не менее тенденциозной была трактовка советской историографией тезиса о равновесии военных сил между НАТО и ОВД в Европе, содержавшегося в анализируемом документе. Имея в виду Старый Свет от Атлантики до Урала, декларация четко фиксировала следующее положение: в ходе взаимных и сбалансированных сокращений "должно поддерживаться равновесие сил между НАТО и Варшавским пактом в Европе".³ Об асимметриях и диспропорциях речь не шла. Забегая вперед, скажем, что позднее, увлекшись апологетикой позиции ОВД на венских переговорах, историки и политологи бывшего СССР утверждали, что Запад сам себе противоречит. Явно некорректным выглядело их обращение к Рейкьявику.

Во-первых, венские переговоры охватывали Центральную Европу и соответственно касались соотношения сил внутри данного региона.

Во-вторых, это соотношение и в пределах пространства от Атлантики до Урала, и в значительно меньших территориальных пределах измерялось в конце 80-х гг. величиной не статичной, а динамичной.

Заметим, что в "Декларации о взаимном и сбалансированном сокращении вооруженных сил" не было конкретных соображений на предмет четко очерченного района предполагаемых сокращений. В общем и целом речь шла о Европе. Вместе с тем обращал на себя внимание следующий пассаж из анализируемого документа: "В особенности они (министры иностранных дел государств-членов НАТО -- <MI>M.C.<M>) приняли к сведению работу в комитете политических консультантов, нацеленную на то, чтобы сравнивать концепции и анализировать альтернативные возможности для достижения сбалансированных сокращений вооруженных сил, в особенности в средней части Европы<M>".⁴ (выделено нами -- <MI>M.C.<M>).

Ударившись в схоластику, идеологи КПСС интерпретировали принцип сбалансированности как отражение стремления Запада достичь для себя значительных односторонних преимуществ в проектируемом переговорном процессе. При этом замалчивалось, что через весь анализируемый документ красной нитью проходил принцип равенства и одинаковой безопасности сторон. В тексте декларации никакого противоречия между данными принципами не прослеживалось. Структуры вооруженных сил и вооружений НАТО и ОВД в Европе были далеко не тождественны, динамика военного строительства по обе стороны

железного занавеса предвещала возникновение новых, непростых проблем для участников потенциальных переговоров. Отсюда вполне логичным представлялся принцип сбалансированности, который распространялся и на объем сокращений, и на их продолжительность по времени.

Консенсус на предмет предложения о взаимном сокращении войск, продемонстрированный Рейкьявической сессией Совета альянса, свидетельствовал об упрочении центристских тенденций внутри НАТО. Кремль, заинтересованный в расколе Организации Североатлантического Договора, получил сильный пропагандистский удар. Не секрет, что выход Франции из военной организации альянса, противоречия между США и Западной Европой в связи с активными выступлениями группировки Мэнсфилда тенденциозно оценивались и в ЦК КПСС, и в союзном МИДе как свидетельство глубокого кризиса данной организации.

Авторы декларации рассматривали процесс сокращения вооруженных сил и вооружений как результат целой серии соглашений, достигаемых в рамках переговорного процесса. Исходя из тезиса о существовании равновесия военных сил, они видели назначение этого процесса в поддержании тогдашнего уровня безопасности благодаря значительно меньшим издержкам. При этом особо оговаривалось, что не должно быть перекосов, связанных с нанесением ущерба безопасности противоположной стороны.

Показательно стремление путем проектируемых взаимных сокращений создать доверие в Европе в целом и между будущими участниками переговоров.

Из Рейкьявика посылался сигнал Востоку. Однако в политике последнего явно преобладал антиразрядочный вектор. Интервенция войск 5 стран ОВД в Чехословакию, начавшаяся в августе 1968 года, звучала не только диссонансом на Декларацию о взаимном и сбалансированном сокращении вооруженных сил в Европе, но и полностью опровергала Бухарестскую декларацию. Как видим, точка отсчета предыстории венских переговоров, из которой исходили историки бывшего СССР, фактически не имела отношения к военной разрядке.

Рейкьявик и тот процесс, точкой отсчета которого он явился, -- это лакмусовая бумажка для оценки позиций всех политических партий ФРГ.

В ходе кампании по выборам в бундестаг 1969 года платформы и ХДС, и ХСС однозначно ориентировали на выполнение установок, содержащихся в Декларации о взаимном и сбалансированном сокращении вооруженных сил. Если бы демохристиане и их баварский союзник остались у правительственного руля, западногерманские усилия

относительно МБФР мало бы отличались от тех шагов, которые предпринимались социал-демократами. Напомним проницательному читателю следующий тезис, не подвергавшийся сомнениям в жестких рамках партийного государства: ХДС и ХСС выступали в 70-е годы как антиразрядочные партии. Такая характеристика в гораздо большей степени расходилась с реальностью в области военной разрядки, чем в области разрядки политической.

Хотя чехословацкий комплекс показал, что Кремль не желал настоящему услышать сигнал из Рейкьявика, НАТО продолжала усилия в направлении военной разрядки в Европе. Об этом свидетельствовало коммюнике 48-й сессии Совета Северо-Атлантического союза, состоявшейся 4--5 декабря 1969 года в Брюсселе. Данный форум альянса был первым в дипломатической истории социал-либеральной коалиции. Получив мандат доверия от западногерманских избирателей, федеральное правительство вместе с союзниками ФРГ по НАТО подтвердило рейкьявикскую декларацию.

Министры Северо-Атлантического союза "попросили представить как можно раньше доклад Совета (НАТО -- <MI>М.С.<M>) на его постоянной сессии относительно норм для взаимного и сбалансированного сокращения вооруженных сил., дали указание продолжить изучение вопроса о мерах, которые могли бы сопутствовать соглашению или последовать за соглашением о взаимном и сбалансированном сокращении вооруженных сил".⁵ Содержание этих мер представлялось альянсу следующим: "...предварительное уведомление о военных передвижениях и маневрах, обмен наблюдателями за военными маневрами и... создание наблюдательных постов".⁶ Предусматривалось продолжение изучения вопроса "о средствах и методах инспекции".⁷

После успешного дебюта на уровне высших органов НАТО новое правительство ФРГ активно участвовало в подготовке Декларации о взаимном и сбалансированном сокращении вооруженных сил в Европе, принятой на Римской сессии Совета Северо-Атлантического союза, состоявшейся 26--27 мая 1970 года. В этом документе содержался призыв к заинтересованным странам провести предварительное обсуждение взаимного и сбалансированного сокращения вооружений в Европе.

Между членами союза был консенсус в отношении следующих соображений:

"а) взаимное сокращение сил должно быть совместимо с жизненными интересами безопасности союза и не должно повлечь за

собой военных преимуществ для той или для другой стороны с учетом различий, вытекающих из географических или других соображений;

б) сокращения должны быть произведены на основе взаимности, должны быть постепенными и сбалансированными с точки зрения их масштабов и темпов;

в) сокращения должны распространяться на иностранные и национальные силы и на их системы оружия в соответствующей зоне;

г) необходимы соответствующие проверка и контроль, чтобы обеспечить соблюдение соглашений, касающихся взаимного и сбалансированного сокращения вооруженных сил".⁸

Обращаем внимание проницательного читателя на то, что анализируемая сессия явилась этапным событием в развитии концепции МБФР. Здесь как раз удобный момент для того, чтобы задать следующий вопрос: "Мог ли Запад полностью выдержать установки данного форума в ходе будущих переговоров?" Постоянно будем держать его в уме, повествуя о тех событиях, которые на протяжении полутора десятков лет разворачивались в Редутном зале венского Дворца Хофбург.

Впервые были высказаны соображения насчет географического фактора. Качественной новизной характеризовался пункт "в". В комментировании этого пункта важно выделить 2 аспекта. Впервые четко фиксировалось включение как иностранного, так и национального военного персонала в объем сокращаемых вооруженных сил. "Системы оружия в соответствующей зоне", естественно, охватывали все категории вооружений, в том числе и ядерные. Тщательное изучение материалов сессии и последующих высказываний ее участников не оставляло никаких сомнений относительно второго аспекта. Включение в проектируемые переговоры нестратегических ядерных вооружений выглядело бы вполне логичным дополнением начавшихся в 1969 году переговоров по ОСВ.

Заинтересованность в военной разрядке в Европе, продемонстрированная Бонном в ходе Римской сессии Совета НАТО, была подкреплена серьезными шагами в области разрядки политической, о чем свидетельствовали Московский и Варшавский договоры.

Эти договоры улучшили политический фон, на котором разворачивались усилия западногерманских лидеров по уменьшению уровня военного противостояния на континенте.

В тесном сотрудничестве между внешнеполитическим ведомством и федеральным министерством обороны при постоянном информировании федерального канцлера была разработана долгосрочная программа взаимного и сбалансированного сокращения войск.

Соответствующий рабочий документ правительства ФРГ был представлен Постоянному Совету НАТО в марте 1971 года.

Здесь содержались некоторые возможные элементы взаимного и сбалансированного сокращения войск и уточнялся порядок этого процесса. Бонн рассматривал свою программу в качестве систематизированной основы для дискуссий, как общий знаменатель различных позиций.

Исходным пунктом для анализируемых соображений Федеративной Республики были три принципа:

-- Сохранение безопасности и достоверность стратегии гибкого реагирования;

-- Сохранение равновесия сил, то есть стабилизация существующего соотношения сил между Западом и Востоком;

-- Доверительность концепции МБФР, то есть ее одновременное соответствие как интересам Запада, так и интересам Востока.

Качественная новизна подхода ФРГ по сравнению с предыдущими натовскими моделями состояла в комбинации шагов по политической стабилизации и военных лимитаций или редуцирований.

Чтобы сокращение вооруженных сил и вооружений было эффективным в военном отношении, авторы документа предлагали, в частности, следующие меры:

1. достигается соглашение о принципах, которыми будут руководствоваться партнеры по договору при регулировании европейской безопасности;

2. ограничение возможностей военных диспозиций (предварительное уведомление или ограничение военных передвижений);

3. количественные ограничения вооруженных сил;

4. постепенные редуцирования (преобразования);

5. согласование конечных военных сил с целью установления верхних границ.

Каждый из этих элементов гармонировал бы с другими в единой комбинации. По замыслу правительства ФРГ можно было начать с малых шагов, которые оказывали бы стабилизирующее воздействие, без того, чтобы нести военный риск. В соответствии с международным положением и уровнем переговоров можно было на каждой фазе включать дальнейшие политические и военные элементы.

Каждая фаза могла бы завершаться частичными соглашениями, без того, чтобы была потеряна из виду цель переговоров -- согласование нового уровня вооруженных сил. Но редукция (превращение) вооруженных сил не была бы больше главной целью. Позитивный результат в военном отношении стал бы также потом налицо, если бы в рамках программы

МБФР удалось бы сразу обрезать предназначенные для внезапного нападения силы ОВД и тем самым затруднить повторный ввод вооруженных сил Востока в редуцированное пространство. Достижимое вместе с этим уменьшение угрозы должно одновременно вести к улучшению политической атмосферы. Долгосрочный политический эффект взаимного, сбалансированного редуцирования войск мог бы также сказаться в том, чтобы стабилизировать военное равновесие и вместе с тем обеспечить предпосылку для политического выравнивания между Востоком и Западом.

Заметим, что тезис о равновесии сил между двумя противостоящими военно-политическими союзами постоянно фигурировал в официальных заявлениях Бонна в 1971–1972 гг. Об этом свидетельствовали "Белая книга о безопасности Федеративной Республики и о развитии бундесвера" за 1971–1972 годы, выступление федерального канцлера В.Брандта во время его визита в июне 1971 года в Американском совете по делам Германии в США.⁶⁹ Заметим, что речь шла о соотношении сил в Европе от Атлантики до Урала.

После опубликования немецкой программы МБФР не могли быть сняты все возражения против редуцирования войск внутри альянса. У многих партнеров преобладал скепсис в отношении к возможностям прийти к переговорам с Варшавским пактом на этой основе, в то время как другие опасались, что посредством переговоров о взаимном, сбалансированном сокращении войск возникла бы динамика в пользу дальнейших редуцирований войск или другого контроля над вооружениями, которую Запад не мог выдержать в долгосрочной перспективе. Часто фигурировало возражение, согласно которому при взаимном и сбалансированном сокращении невозможна экономия издержек. По мнению ряда аналитиков, количественное снижение могло бы весьма усилить тенденцию к качественному улучшению войск, например, посредством профессиональной армии и вооружений. Высказывалось мнение о том, что существенное конвенциональное редуцирование серьезно воздействовало бы на стратегию союза. Оно могло бы привести к усиленной зависимости Европы от ядерных вооружений или также к замене стратегии устрашения и вместе с тем вызвать новые напряжения внутри альянса.

Серьезные сомнения в отношении редуцирования войск имелись также и с военной стороны. В штаб-квартире НАТО, в штабах союзников постоянно указывалось на фактическое неравновесие между обоими союзами, которое при редуцировании могло бы еще больше обостриться.

Предметом опасения было и то обстоятельство, что редуцирование в Центральной Европе могло бы усилить давление на фланги НАТО. Согласно контраргументу федерального правительства, редуцирования в Центральной Европе должны были сопровождаться ограничением передвижений в области, которая была существенно большей, чем собственно редуцированное пространство.

В течение 1971 года Бонн обнародовал проекты заявления о намерениях и принципах ограничения передвижения войск. Согласно западногерманской точке зрения, в начале переговоров о взаимном сокращении вооруженных сил и вооружений должно было быть принято совместное заявление, в котором государства-участники -- по возможности все европейские и североамериканские страны могли бы изложить свои намерения и принципы в отношении европейской безопасности. Содержание этих принципов мыслилось таковым:

1. четкое обязательство о сбалансированных мероприятиях, которые не нанесли бы никакого военного ущерба ни одному из государств;
2. включение иностранных и национальных войск, а также их систем вооружений;
3. защита от переброски войск и внезапного нападения посредством сопутствующих мер, а также адекватной верификации.

По убеждению федерального правительства, было бы желательно, чтобы настоящая декларация была принята на конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе. Социал-либеральная коалиция считала, что в начале переговорного процесса необходимо было уменьшить недоверие и исключить ошибочные оценки противоположной стороны.

В противном случае был бы поставлен под угрозу весь проект МБФР. Эти шаги, будучи позднее подкрепленными мероприятиями по верификации, могли бы впоследствии предотвратить повторный ввод или усиление редуцированных войск. При этом Федеративная Республика обращалась к развитому еще в 60-е годы арсеналу следующих мер: предварительные уведомления, наземные наблюдательные посты, наблюдатели на маневрах и обмен информацией. Здесь была возможной и целесообразной постепенная интенсификация данных мер. В Бонне считали, что надо было прежде всего поразмыслить над тем, чтобы согласовать одновременное объявление о передвижениях войск. Потом пришла бы очередь предварительного уведомления, включая согласие другой стороны с намеченной передислокацией. Последним шагом был бы полный отказ обеих сторон от крупных передвижений войск.

Лидеры Федеративной Республики Германия полагали, что в проектируемом соглашении об ограничении вооруженных сил надо было

прежде всего меньше думать об установлении верхних границ, контроль за которым без инспекции на месте представлялся затруднительным. Боннские стратеги отдавали предпочтение ведению переговоров на предмет запрета на усиление или новое размещение военных потенциалов в общеевропейских рамках.

От государств-участников требовался отказ от определенной деятельности, соблюдение которого контролируется относительно простыми, в случае необходимости также национальными средствами. Этот так называемый "force limitation agreement".^{<10} образовал бы стержневой пункт соглашений. На данной основе можно было затем достичь удовлетворительного соглашения об ограничении передвижений, выходящих за рамки заявлений о намерениях и предварительных уведомлений. Такой подход способствовал решению проблемы верификации, которая выступала в качестве предпосылки для упомянутых редуцирований.

Таковы основные черты боннской схемы, разработанной в 1971 году. На наш взгляд, здесь оптимальным образом были учтены интересы и опасения союзников ФРГ, восточные декларации о намерениях.

Разумеется, за скобками анализируемых документов осталось немало непростых вопросов. Перед ФРГ и ее союзниками стояла следующая проблема: с одной стороны, четко определить круг мер, способных выравнять асимметрии, покоящиеся на географическом и иных факторах; с другой стороны, предложить такие меры, которые заинтересовали бы восточную сторону.^{<11}

В своей активности на предмет МБФР правительство В.Брандта намного опережало администрацию Р.Никсона, выделялось на фоне некоторых своих западноевропейских союзников.

Заметим, что республиканцы, придя в январе 1969 года к власти, уделяли гораздо больше внимания процессу ОСВ, чем проблемам военной разрядки в Европе.

Британские консерваторы, став у правительственного руля, в отличие от своих лейбористских предшественников долгое время сохраняли сдержанность. Не проявляло интереса к МБФР руководство Франции.

С марта 1971 года стал меняться подход СССР на уровне официальных заявлений. Кремль декларировал свою заинтересованность в переговорах об уменьшении уровня военного противостояния в Европе.

Разумеется, не было оснований для эйфории в связи со сдвигом в позиции Москвы. Сохранялось много расхождений между Востоком и Западом. Например, в отличие от НАТО Кремль и его союзники считали,

что "рассмотрение и определение путей решения... вопроса (о сокращении в Европе как иностранных, так и национальных вооруженных сил и вооружений -<МІ>М.С.<М>) не должно быть прерогативой существующих военно-политических союзов в Европе".^{<12}

В плане зондирования советской позиции определенное значение имела встреча В.Брандта с Л.И.Брежневым в Ореанде осенью 1971 года. До выхода в свет "Воспоминаний" бывшего федерального канцлера историки могли ограничиться только официальным коммюнике встречи.

Официальные итоги встречи в Ореанде были таковы. Позиции Москвы и Бонна совпали по следующим пунктам:

1. в проектируемых переговорах должны участвовать не только сверхдержавы;
2. сокращения войск и вооружений не должны ограничиться только территорией ФРГ и ГДР;
3. мероприятия по сокращению должны затрагивать не только иностранные, но и национальные вооруженные силы;
4. не должно быть нарушено всеобщее равновесие сил.^{<13}

В.Брандт вспоминал, что во время их первой встречи Брежнев "даже намеком не откликнулся на сигнал из Рейкьявика... В 1971 году в Крыму я тщетно пытался убедить его в необходимости серьезных переговоров о взаимном сокращении войск и вооружений. Причем об уравновешенном сокращении, что означало: глобальное равновесие не должно быть поставлено под вопрос. Однако Брежнев меня не понял, впрочем так же, как и в 1973 году в Бонне. В Москве ему наверняка никто не говорил о проблеме военного неравновесия в Европе. А также о том, что нужно различать две сферы, по которым впоследствии велись переговоры частично в Хельсинки, а частично во время их продолжения в Вене: с одной стороны, сотрудничество и укрепление доверия, а с другой - сокращение войск.

Я и позднее никогда не замечал, чтобы Брежнев, если речь заходила о конкретных вещах, мог бы потребовать от военного руководства каких-то новых идей".^{<14}

Заметим, что в Крымском коммюнике присутствовал нюанс, привлекая внимание как союзников Бонна, так и внутриполитических противников социал-либеральной коалиции. Если в наговских документах содержалось требование "обоюдного и сбалансированного сокращения вооруженных сил", то в анализируемом коммюнике имелась формулировка, согласно которой это должно было произойти "без ущерба

для участвующих государств". Стремясь извлечь из этого факта политические дивиденды, оппозиция стала упрекать В.Брандта в намерении расколоть НАТО. Не удовлетворило ее заявление представителя федерального правительства фон Вехмара о том, что между указанными формулировками "в смысле политического содержания большой разницы нет".¹⁵

В исторической литературе до сих пор не утихают споры насчет того, что осталось за скобками Крымского коммюнике. Часть исследователей поддерживает распространенную лидером ХСС Ф.-Й.Штраусом версию, согласно которой Бонн заключил с Москвой секретное соглашение, не совместимое с союзническими обязательствами Федеративной Республики в рамках НАТО. В своих "Воспоминаниях" В.Брандт опровергает эту версию.

Конференция заместителей министров иностранных дел государств-членов альянса, проходившая в октябре 1971 года в Брюсселе, показала, что оппозиция не сможет набрать очки своей трактовкой Крымского коммюнике. В центре внимания конференции была тщательная проработка вопросов, связанных с МБФР. В выступлении представителя ФРГ государственного секретаря Франка не было никаких опрометчивых и поспешных заявлений. Он подчеркнул необходимость тесной связи между военными и дополняющими их политическими шагами. Здесь содержался намек в адрес США, которые стремились возможно скорее начать переговоры о сокращении войск, а о других политических аспектах отношений между Западом и Востоком предпочитали вести речь потом.

К началу конференции в кругах западноевропейских союзников Вашингтона были опасения по следующему вопросу: Белый дом попытается использовать нерасположенность Кремля к многосторонним переговорам о сокращении войск и вооружений и придти к прямым соглашениям с Москвой в целях быстрого прогресса по проблемам, относящимся к размещенным соответственно в Восточной и Западной Европе советским и американским войскам и вооружениям. США четко, ясно и недвусмысленно объявили на данной конференции об отсутствии у них подобных намерений, что, несомненно, можно оценивать как один из важных итогов анализируемого форума.

Еще больше оснований для констатации роста взаимопонимания между Бонном и Вашингтоном давало последующее развитие событий.

В конце 1971 года страны альянса получили возможность ознакомиться с первым крупным американским исследованием на предмет МБФР. Вашингтон проявил такой же уровень готовности к

проектируемым переговорам, как Бонн, некоторые другие западноевропейские союзники США.

Вступление в решающую стадию переговоров по ОСВ-1 позволило администрации Р.Никсона серьезно подготовиться к тому пункту программы намеченных на май 1972 года переговоров с советским руководством, который касался военной разрядки в Европе. Майский саммит показал, что Москва не имела по этому вопросу тщательно разработанной концепции. Вместе с тем нельзя было не оценить положительно достижение договоренности о проведении переговоров о сокращении войск и вооружений в Центральной Европе на специальном форуме.

Встал вопрос о проведении серьезной подготовительной работы к данному форуму.

В ходе избирательной кампании по выборам в бундестаг 1972 года и социал-демократы, и либералы имели все основания доложить избирателям о значительных усилиях на предмет МБФР. Обещал проявлять активность в данном направлении и соперничавший с ними блок ХДС/ХСС. Получив 19 ноября 1972 года мандат доверия народа ФРГ, социал-либеральная коалиция энергично продолжала идти ранее взятым курсом.

Вполне удовлетворительно для правительства ФРГ завершилась декабрьская (1972 г.) сессия Совета НАТО. Западноевропейские союзники получили четкое обязательство Белого Дома о том, что Вашингтон не будет осуществлять односторонние сокращения своих войск в Центральной Европе. В итоговом документе данного форума была также зафиксирована аналогичная позиция всех остальных участников предстоящих переговоров-членов альянса.

С большим заделом подошло федеральное правительство к началу открывшихся в Вене 31 января 1973 года предварительных консультаций к переговорам о сокращении вооруженных сил и вооружений в Европе.

Заметим, что хотя в советско-американском коммюнике (май 1972 г.) было зафиксировано совпадение позиций СССР и США в том, что сокращение вооруженных сил и вооружений должно быть осуществлено в первую очередь в Центральной Европе, тогда у обеих сторон не было единого мнения на предмет четких географических рамок этого района. Не были преодолены разногласия и к началу анализируемых консультаций.

Одновременно западногерманская дипломатия продолжала предпринимать интенсивные усилия в рамках НАТО.

На сессии Совета НАТО в Копенгагене в июне 1973 года глава делегации ФРГ В.Шеель распространил следующее предложение: "Советы должны в Вене вести переговоры, сообразно с чем должны сокращаться

не только размещенные на территории их европейских союзников вооруженные силы американцев и русских, а наряду с этим также войска самих союзников". Причем американцы могли бы, согласно точке зрения Бонна, начать вывод войск первыми, "но только если это будет зафиксировано в договорном порядке".

Боннский министр иностранных дел надеялся, что благодаря этой формуле удастся прежде всего удержать партнера по НАТО США, но также Данию и Голландию от поспешного, одностороннего разоружения их вооруженных сил.

Заметим, что накануне анализируемого форума печать ФРГ не скупилась на сенсационные сообщения с целью вызвать у бундесбюргера комплекс недоверия к обеим сверхдержавам. Наиболее ходовой оказалась версия, согласно которой Москва и Вашингтон обсуждали вопрос о выводе 26 тысяч солдат из Центральной Европы. В связи с приближением намеченного на вторую половину июня 1973 года очередного советско-американского саммита политический истэблшмент Федеративной Республики все чаще стал высказывать сомнения насчет прочности союзнических связей с США. В этой связи широкий резонанс имело следующее заявление госсекретаря Соединенных Штатов У.Роджерса на форуме альянса: "Никакой двусторонней договоренности без участия союзников не будет". Шеф американского внешнеполитического ведомства заверил своего западногерманского коллегу, что Белый Дом своей внешнеполитической практикой не давал и не собирается давать повод для выдвижения версии, которой увлеклись немецкие журналисты.

В беседе с министром иностранных дел Французской Республики Мишелем Жобером В.Шеель четко и недвусмысленно выразил порицание Парижу за его незаинтересованность в МБФР, охарактеризовав позицию этой страны как иррациональную.

Конкретно высказалась западногерманская делегация и по вопросу связи между СБСЕ, к которому был более расположен Кремль и предпочитаемыми Западом венскими переговорами, старт которых был намечен на октябрь 1973 года. Для большинства членов альянса неоспоримым представлялся следующий тезис: Советы только тогда будут готовы вести речь о разоружении в Европе, если от этого будет зависеть судьба предпочитаемой Москвой конференции по безопасности. В.Шеель пытался убедить партнеров по союзу в согласованной равноценности обеих встреч. Связывание этих форумов представлялось социал-либеральной коалиции невозможным, что объяснялось явной несовместимостью потенциальной продолжительности их работы. Кроме того, согласно анализу западногерманских стратегов Советы больше не нуждались в том,

чтобы их вынудили посредством этой взаимосвязи сесть за стол переговоров в Вене. Кремль рассчитывал на то, что данная конференция прямо откроет шансы для желаемого частичного отхода американцев из Европы. Этот аргумент активно приводился В.Шеелем.

Однако Бонну не удалось убедить своих партнеров. В заключительном коммюнике Копенгагенской сессии они остались непреклонны в требовании "о параллельно проходящих переговорах".^{<16}

В исторической литературе бывшего СССР постоянно присутствовал тезис о том, что правящие круги США, ХДС/ХСС, правое крыло западногерманской социал-демократии стремились в начале 70-х годов затянуть созыв СБСЕ со ссылкой на первоочередность переговоров о взаимном сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе. Известно, что федеральный министр обороны Г.Шмидт постоянно подчеркивал, что редукция войск является тем пунктом, который должен стать центральным в ходе дискуссий на конференции по европейской безопасности. С учетом реалий тогдашней военно-политической обстановки в регионе такой подход представлялся вполне логичным. Вдумаемся в содержание понятия СБСЕ. Здравый смысл подсказывал следующее функциональное назначение данного форума: создание прочного правового фундамента для формирования адекватной мирным устремлениям европейских народов структуры безопасности. Ключевое звено в этой структуре -практические шаги в области разоружения. Шмидт считал, что предложение ОВД, согласно которому соглашение о коллективном отказе от применения силы должно было иметь первенство в повестке дня планируемой конференции, в случае его реализации не внесло бы кардинальных изменений в данном направлении. Напомним проницательному читателю, что Запад пошел на уступку Востоку и поразмышляем вместе с ним над вопросом: "Что же произошло в Европе после подписания Хельсинского акта?" По-настоящему военная разрядка так и не была начата.

В целом итоги подготовительных консультаций оказались успешными. В итоге напряженных дискуссий был четко определен район предполагаемых сокращений -- Центральная Европа, согласованы его географические рамки.

Общий знаменатель позиций был в том, что проектируемые переговоры должны были вестись не только о взаимном сокращении вооруженных сил и вооружений, но и о связанных с этим сокращением сопутствующих мерах.

Было четко очерчено деление участников переговоров на прямых и

тех, кто имел совещательный голос.^{<17}

Какими же мотивами руководствовалась Москва, соглашаясь с идеей будущих переговоров?

Прежде всего они представлялись удобной формой для постоянной демонстрации внешнеполитических инициатив со стороны так называемого социалистического содружества. Кремль рассчитывал на то, что показное единство ОВД в период проектируемого переговорного марафона будет выбивать аргументы у западных стратегов, далеко не беспочвенно предрекавших нарастание центробежных тенденций внутри данной организации.

Здесь как раз тот случай, когда есть смысл прибегнуть к сослагательному наклонению. Зададимся следующим вопросом: "Готовы ли были восточноевропейские союзники Кремля занять действительно конструктивную позицию на предстоящих переговорах, если бы была сдана в исторический архив доктрина Брежнева?"

Бывший министр иностранных дел СССР Э.А.Шеварднадзе свидетельствует: "...наше военное присутствие в странах Восточной Европы было поставлено под вопрос задолго до начала событий 1989--1990 годов. И потребовали вывода войск отнюдь не правительства, пришедшие к власти в эти годы, а их предшественники. В очень осторожной форме и доверительной обстановке иные из них говорили нам, что дальнейшее пребывание советских войск в их странах создает для них серьезные проблемы. Что лучше самим предпринимать шаги в этом направлении, чем потом вынужденно ускорять их под давлением событий. О содержании этих бесед докладывалось нашему высшему руководству. Тема находила отражение в соответствующих политических заявлениях. Предполагалось, что столь серьезная постановка вопроса повлечет за собой разработку и осуществление общегосударственной программы безболезненного перемещения войск в родные пределы. Ничего этого не было сделано".^{<18}

Конечно, среди читателей есть и те, кто ознакомился с утверждением бывшего советника-посланника посольства СССР в ГДР И.Максимычева. Последний заявляет, что во времена Хонеккера восточногерманское руководство было даже против символического сокращения ГСВГ.^{<19} Разумеется, советник-посланник -- это не тот ранг, на уровне которого лидеры бывшей ГДР могли быть максимум откровенны. Свидетельства деятелей с мировой известностью показывают, что Э.А.Шеварднадзе имел в виду и ГДР времен Хонеккера.^{<20}

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Брандт В. Воспоминания. М., 1991. С.181.
- ² Abrüstung und Rüstungskontrolle. Dokumentation zur Haltung der Bundesrepublik Deutschland.Hrsg. Auswärtiges Amt. Bonn, 1981. S.42.
- ³ Vorschlag der NATO über beiderseitige und ausgewogene Truppenverminderungen von 24/25.06.1968. //Abrüstung und Rüstungskontrolle. Dokumentation zur Haltung der Bundesrepublik Deutschland. Hrsg. Auswärtiges Amt. Bonn, 1981. S.43.
- ⁴ Vorschlag der NATO über beiderseitige und ausgewogene Truppenverminderungen von 24/25.06.1968. S.42-43.
- ⁵ //NATO-Letter, Brussels, vol. 18, #1, January 1970, p.24.
- ⁶ Ibidem.
- ⁷ Ibidem.
- ⁸ //NATO-Letter, Brussels, vol. 18, No.6, June 1970, p.p.24-25.
- ⁹ //Weißbuch 1971/72, S.9ff. ziff.7; Brandt W. Reden und Interviews. Bonn, 1971. S.534.
- ¹⁰ Force limitation agreement -- Соглашение по ограничению вооруженных сил.
- ¹¹ Haftendorn H. Op.cit.
- ¹² Организация Варшавского Договора. Документы и материалы 1955-1980 гг. М., 1980. С.155-156.
- ¹³ //Правда, 1971, 8 сентября.
- ¹⁴ Брандт В. Воспоминания. М., 1991. С.204.
- ¹⁵ //Frankfurter Rundschau, 1971, September; //Der Spiegel, 1973, Jg.27. #25.
- ¹⁶ Ibidem.
- ¹⁷ См. подробно о подготовительных консультациях в : Haftendorn H. Op. cit.; Басманов В. Указ. соч.
- ¹⁸ Шеварднадзе Э.А. Мой выбор. В защиту демократии и свободы. М., 1991. С.207.
- ¹⁹ Максимычев И. Едут наши казаки. //Международная жизнь, 1991.

№5. C.59-60.

²⁰ //Die Welt, 1993, 24.Juni.

Научное издание

Стрелец Михаил Васильевич

РОЛЬ ФРГ В ФОРМИРОВАНИИ КОНЦЕПЦИИ МБФР

*Утверждено к печати Ученым Советом Брестского
политехнического института*

*Издатель Лавров С.Б.
Компьютерный набор Шелестович З.М.
Корректор Орлов И.И.*

Подписано к печати 12.06.97.
Формат 60x84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Отпечатано на копировально-множительном оборудовании издательства
Усл.-печ.л. 2,09. Тираж 100 экземпляров.

**Издательство С.Лаврова. Изд. лиц. ЛВ №845
224023 г.Брест, ул. Московская, 275, к. 20.**